

ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ТЕХНИКА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА С ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Eugenija Ćuto, Sveučilište u Zadru, ecuto@unizd.hr

Original scientific paper

DOI: 10.31902/fl.54.2026.8

UDC: 34:[811.163.42:811.161.1]

Аннотация: Интеграция лингвистики и правоведения, наблюдаемая в западной Европе с конца 60-х годов прошлого века (*forensic linguistics* — *судебная лингвистика, лингвистическая экспертиза*), а в России приведшая к появлению юрислингвистики в начале XXI века, обуславливается во многом прагматическими целями. Потоки мигрантов, стекающие на европейский континент в течение десятка последних лет, актуализировали вопрос перевода устных и письменных текстов правовой тематики и составления двуязычных словарей и глоссариев юридических терминов, особенно при отсутствии таковых, как в случае с хорватско-русской комбинацией языков. Статья посвящена проблематике перевода текстов судебного дискурса, сочетающего в себе черты научного и официально-делового функциональных стилей: клишированность, эмоциональную нейтральность, модальную семантику глагола, пассивный залог, преобладание форм настоящего времени, трафаретность структуры и т. п. В русле теории эквивалентности В. Н. Комиссарова проанализированы языковые трансформации и переводческие техники и приёмы на примерах перекодирования хорватских терминов уголовного права на русский язык. Корпус для анализа составлен из текстов письменных жанров судебного дискурса: судебных постановлений, протоколов допросов свидетелей, повесток в суд, обвинительных заключений и т. п. С помощью методов контекстуального, сопоставительного, лингвостилистического и трансформационного анализа подобраны русские эквиваленты лексических единиц исходного (хорватского) языка. Даны практические рекомендации по оформлению ссылок на законодательные документы в двух языках.

Ключевые слова: лингвистика, официально-деловой стиль, приём перевода, теория эквивалентности, трансформации, уголовное право, юридический дискурс

1. Актуальность исследования, цели и методология

На европейском континенте миграционные процессы всегда отличались повышенной динамикой, однако с 2015 года миграция в Европу приобрела особо бурный характер. Наплыв переселенцев из других регионов влечёт за собой потребность юридически урегулировать их статус, легализовать документы, включить в экономическую, образовательную и культурную жизнь местного сообщества и, естественно, разрешать неизбежно возникающие правовые споры и конфликты. Востребованными становятся услуги судебных переводчиков, играющих роль «толмача» в делопроизводстве и судопроизводстве, без участия которых невозможна или сильно затруднена коммуникация между иностранным гражданином и органами власти государства, на территории которого он пребывает. Актуализировались исследования лингвистов, посвящённые проблематике юридического перевода и призванные помочь переводчикам-практикам в выполнении важнейшей социальной функции перевода — обеспечении межъязыкового общения людей. Предпринимаются усилия в составлении двуязычных глоссариев в области права, особенно в тех странах, где таковые полностью отсутствуют, мы говорим о хорватско-русской комбинации языков. Настоящее исследование вносит определённый вклад в настояния отдельных хорватских энтузиастов (И. Микулацо) восполнить лексикографическую лакуну. Цель настоящего исследования — рассмотреть языковые (лексические, семантические, морфологические и синтаксические) особенности судебного дискурса в свете теории функциональных стилей и проанализировать технические приёмы перевода лексических единиц из области криминальной юстиции с опорой на теорию эквивалентности как одну из ведущих концепций современной традуктологии. Прикладная ценность работы состоит в том, что мы предлагаем русские эквиваленты хорватских слов и выражений, которые могут быть использованы при составлении хорватско-русского глоссария терминов уголовного права. Кроме того, в работе даются практические рекомендации судебным переводчикам Хорватии по оформлению ссылок на положения законодательных актов. Корпус для исследования был составлен на материале тридцати шести оригинальных документов разного объёма (от одной машинописной страницы до шести), письменно переводившихся автором-судебным переводчиком в период с февраля по август 2024 года. Перевод осуществлялся по запросу Районной прокуратуры города Задара (Хорватия) в рамках ведения

одного уголовного дела. В работе использованы следующие методы: метод сплошной выборки, лингвостилистический анализ, контекстуальный анализ, методы сопоставительного, описательного и трансформационного анализа (приёмы наблюдения, интерпретации языкового материала).

2. Вводные замечания

Право и язык Т. В. Губаева называет «величайшими ценностями культуры, которые имеют фундаментальное значение для бытия человека» (2003: 1 в: Шепелёв 217). Право обеспечивает всем участникам общественных отношений единый справедливый порядок, а формулируется и устанавливается он с помощью языка. Сами юристы признают, что для их профессии чрезвычайно важны широкие лингвистические знания и речевые умения, «поскольку правоведческая деятельность [...] во многом зависит от их понимания многих языковых сторон и от умения ими пользоваться» (Лебедева 52). В случае же включённости в правовую систему людей разных культур, многократно возрастает роль переводчика как «медиатора» — посредника в коммуникации. От уровня профессиональности переводчика напрямую зависит степень эффективности донесения законодательных норм и постулатов до правонарушителя-иностранца и, в свою очередь, объяснения позиции противоположной стороны (обвиняемого) касательно деталей уголовного дела. Таким образом, на переводчика ложится большая ответственность за судьбу конкретного человека, который совершил правонарушение. Недостаточно, чтобы переводчик безупречно владел двумя языками — исходным языком (ИЯ) и целевым, языком перевода (ПЯ), — то есть обладал лингвистической компетенцией и языковым чутьём, он также должен хорошо разбираться в правовой системе обеих стран, знать основные юридические идеи и концепции, а также уметь выбирать адекватные переводческие приёмы для подбора эквивалента юридического термина. Иными словами, практика перевода юридических текстов опирается, по выражению Дж. Э. Джозефа, на теоретические исследования трёх областей: теории языка, теории права и теории перевода (Хижняк 2022, 23).

Неслучайно в XXI веке на стыке права и лингвистики возникла и динамично развивается юрислингвистика, в русле междисциплинарного подхода к познанию, возобладавшего в конце прошлого века. Генезис этого процесса Е. С. Кубрякова выводит из «экспансионизма» современной лингвистики, проявляющегося в возникновении «сдвоенных» наук, к примеру,

психолингвистики, социолингвистики, инженерной лингвистики, компьютерной лингвистики и др. (53). Юрислингвистику Н. Д. Голев определяет как «лингвистическую дисциплину, объектом которой является сфера взаимодействия языка и права» (2021, 9). Юрист-переводчик имеет дело с текстом, схожим с научным, с одной стороны, и инструкцией, с другой, так как юридический текст выполняет и познавательную, и предписывающую функции (Голев 2021, 164). Для создания адекватного перевода совершенно необходим выход не только в сферу гуманитарного знания (о языке), но и в область общественных наук (правоведение). Тенденции к наблюдаемому сближению лингвистики и юриспруденции Голев считает объективными, всё чаще встречаются «стихийные терминологические перекрещивания» (2021, 15): к терминам типа *норма, закон, регламентация* прибавляются новые: *прецедент, презумпция, лингвистическая дискриминация, защита экологии языка* и т. п. (там же). Задачами осмысления подобных тенденций и занимается юридическая лингвистика, имеющая все предпосылки стать самостоятельной интегративной наукой. Вклад в её становление уже внесли Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева, С. П. Хижняк, А. Н. Шепелёв, А. С. Пиголкин, А. А. Ушаков, З. К. Тарланов, М. А. Грачёв, В. М. Савицкий и др. Первыми на нужность объединения методов языковедения и правоведения в решении уголовных дел обратили внимание зарубежные учёные: Ян Свартвик (Jan Svartvik), Дэвид Мелинкофф (D. Mellinkoff), Николаус П. Химмельманн (N. P. Himmelmann), Р. И. Вальбаум (R. I. Walbaum), К. Годдард (C. Goddard), М. Култхард (M. Coulthard), Н. М. Смит (N. M. Smith), Р. В. Шай (R. W. Shuy) и др., создав на базе лингвистики и юриспруденции научную отрасль — судебную лингвистику (*forensic linguistics*). Одним из основных направлений изучения юридического языка является юридический перевод, один из старейших видов публичной человеческой деятельности, нужность исследования которого носит прикладной характер.

3. Историческая справка

Практика перевода юридических текстов имеет глубокие корни, достаточно вспомнить первый исторически задокументированный мирный договор между Древним Египтом и Хеттским царством из 1259 года до н. э., который существовал в двух версиях, на хеттском и древнеегипетском языках. Важность задокументированного слова в процессе судопроизводства признавали древние восточные цивилизации: в *Законах Хаммурапи*

(XVIII век до н. э.) статья 1 предусматривала смертную казнь за ложное обвинение (Голев 2021, 17). *Свод римского гражданского права (Corpus Juris Civilis)*, известный ещё как *Свод Юстиниана* (529–534 гг.), на котором сформировалась вся правовая система Византии и который во многом определил путь развития европейской юридической науки, является ещё одним примером древнего переводного текста (Графский). Документами правовой практики древнерусского государства являются договоры Руси с Византией, заключённые в 907, 911, 944 и 971 годах и юридически закреплявшие результаты военных кампаний князей Олега, Игоря и Святослава. В них содержались статьи о судебном процессе и исполнении наказания за преступление (убийство, кражу, грабёж), о способах разрешения конфликтов двух стран (Руси и Византии), регулировались торговые отношения и разграничивались понятия «обычай» и «закон русский» (Глушаченко, Цветков 29). Согласно практике тех лет, подобные договоры составлялись на греческом и языке другой стороны, что предполагало выполнение перевода юридических документов. Основой всего русского законодательства, которая значительно повлияла на правовые документы русских княжеств, а также Великого княжества Литовского, стала «Русская правда»¹. Её краткая редакция в двух частях («Правда Ярослава» и «Правда Ярославичей») датируется XI веком и представляет собой положения древнерусского уголовного права, в котором в качестве наказания предусмотрены денежные штрафы, а за особо тяжкие правонарушения — расправа на месте преступления (Лукин). О практическом применении прописанных законов свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты, найденные в Новгороде, Пскове и других городах. Складывание законодательной системы у любых народов является признаком образования государства с различными категориями населения, чьи взаимные права и обязанности необходимо нормативно определить (Якеменко 45).

4. Лингвистические особенности судебного дискурса

Вместе с переводом появился и так называемый переводческий дуализм, обозначенный сначала Цицероном, а позднее Св. Иеронимом как *verbum pro verbo* и *sensum de sensu*: «буква или дух», буквальный перевод или вольный (Баринова, Нестерова 67). И если в художественном переводе буквальный

¹ Само слово *правда* в Древней Руси имело значение 'суд, закон' (Якеменко 45).

метод («слово в слово») чаще всего подвергается критике², то в специальном переводе, куда входит и юридический, вольность недопустима.

Среди российских исследователей отсутствует единство в определении места юридического языка относительно общелитературного. Одни (Н. Д. Голев, М. Л. Давыдова, Н. В. Маланина, Н. А. Мартынова, И. А. Матюшин, Р. П. Щеглов, С. П. Хижняк, Ю. В. Чеметева, Н. С. Валгина) считают юридический язык функциональным подстилем только официально-делового стиля речи или комбинации официально-делового и научного. Другие (В. Б. Исаков, А. Н. Шепелёв, А. А. Ушаков) выделяют юридический язык как самостоятельный функциональный стиль языка, наряду с научным, официально-деловым, публицистическим, разговорным и художественным. Не вдаваясь в полемику относительно соотносительности юридического языка и функциональных стилей, попытаемся перечислить отличительные особенности языка судебного дискурса. Воспользуемся определением юридического языка, данным Голевым: «Юридический язык — это функциональная разновидность языка, которая образует относительно замкнутую систему» (2021, 35), имеющую собственные составные элементы (понятийно-терминологический аппарат), способы их организации (конструкции), стилистические и семантические особенности, а также механизмы функционирования.

Юридическому языку свойственны точность, ясность и недвусмысленность, ведь «правовая норма по своей природе — команда» (Голев 2021, 32), а расплывчатая, нечёткая команда невыполнима. Язык юридических текстов отличается сухостью и эмоциональной нейтральностью, потому что он не должен раскрывать юридическую оценку, а тем более давать личностные оценочные суждения, чтобы не оказывать эмоционального давления на участников судебного процесса в принятии решения по тому или иному правовому конфликту. Исключением, пожалуй, являются публичные речи адвокатов, прокуроров, судей, в которых силён прагматический аспект юридического дискурса. Сухость,

² В лагере противников буквального перевода на протяжении разных эпох находились Вольтер, Р. Бекон, М. Лютер, А. фон Эйб, К. И. Чуковский, Нора Галь, С. Я. Маршак, И. Л. Альтман, И. А. Кашкин, А. В. Фёдоров, Э. А. Вартаньян. Защищали переводчиков-буквалистов Ф. Шлейермахер, В. Беньямин, Х. Гассет, М. Хайдеггер, Л. Венути, Дж. Штайнер. Х. Ортеги-и-Гассета, В. Брюсов, В. Набоков, М. Гаспаров и др.

точность юридического языка достигается широким применением терминов, которые характеризуются нейтральной стилистической окраской, а потому диапазон их прагматических возможностей достаточно узок. Тексты уголовного права выполняют, в первую очередь, информационную и предписывающую функции. Приведём несколько примеров терминов из нашего корпуса:

<i>sudac istrage, istražni sudac</i>	<i>следственный судья</i>
<i>sudac izvjestitelj</i>	<i>судья-докладчик</i>
<i>dokazna radnja</i>	<i>доказательное действие</i>
<i>sudski vještak</i>	<i>судмедэксперт</i>
<i>sudski tumač</i>	<i>судебный переводчик</i>
<i>presuda</i>	<i>приговор</i>
<i>kazneni postupak</i>	<i>уголовный процесс, уголовное судопроизводство</i>
<i>sudski postupak</i>	<i>судебный процесс, судопроизводство</i>
<i>kaznena prijava</i>	<i>обвинительное заявление, заявление о преступлении</i>

Анализируя категории юридического языка, такие как лицо, состав преступления, деяние, юридический факт и др., Голев утверждает, что им, с одной стороны, присуща высокая степень абстрактности, а с другой, они «удивительно конкретны» (2021, 32), что в совокупности делает их системными, описывающими определённую область реальности.

В области семантики в языке закона, естественно, преобладает строгая модальная семантика, в силу того что закон призван «приказывать», «запрещать», «наказывать», «разрешать». В нашем корпусе текстов уголовного права содержатся следующие примеры глаголов модальной семантики:

<i>dozvoliti</i>	<i>разрешить, дать разрешение</i>
<i>naložiti</i>	<i>приказать, предписать, распорядиться</i>
<i>valjati</i>	<i>следовать</i>
<i>odrediti</i>	<i>определить</i>
<i>odlučiti</i>	<i>решить, постановить</i>
<i>odbiti</i>	<i>отказать, отклонить</i>
<i>prihvatiti</i>	<i>принять</i>
<i>osporiti</i>	<i>обжаловать, оспорить</i>
<i>ukinuti</i>	<i>отменить</i>

Отсутствуют слова с эпистемической модальностью типа возможно, вероятно, скорее всего, наверное, часто, в большинстве случаев, не встречаются слова оценочной и в общем субъективной модальности, как и не используется в текстах уголовного права сослагательное наклонение. Распорядительный и указательный характер судебных текстов уголовного права проявляется через «имплицитную, скрытую императивность» (Голев) без использования глаголов в повелительном наклонении. Глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего времени создают ощущение вневременной, «вечной» законности изложенного, обладают модальностью предписания (Голев 2006, 26).

На лексическом уровне для судебного дискурса характерно использование клише, речевых штампов, устойчивых сочетаний слов, причём имена прилагательные и имена существительные сознательно не употребляются в оценочных и любых коннотативных значениях, чтобы придать юридическому тексту объективность, например:

<i>postojanje osnovane sumnje</i>	<i>наличие обоснованного подозрения</i>
<i>po osnovama iz članka...</i>	<i>на основании статьи...</i>
<i>branitelj po službenoj dužnosti</i>	<i>защитник по назначению суда</i>
<i>ponavljanje kaznenog djela</i>	<i>рецидив преступления</i>
<i>blagodat nesvjedočenja</i>	<i>свидетельский иммунитет</i>
<i>u ime Republike Hrvatske</i>	<i>именем Республики Хорватии</i>
<i>slijedom iznijetog</i>	<i>вследствие изложенного</i>
<i>žalba nije dopuštena</i>	<i>обжалованию не подлежит</i>
<i>kaznena odgovornost</i>	<i>уголовная ответственность</i>

С точки зрения морфологии, в текстах уголовного права наблюдается активное использование конструкций пассивного залога, которые отличаются гораздо большей частотностью, чем в общелитературном хорватском языке, где, как утверждает сетевое издание Хорватской энциклопедии, «пассивный залог не употребляется так часто, как в некоторых других европейских языках (напр., английском)»³. Вот несколько примеров из корпуса:

³ *Перевод наш* — Е. Ч.

<i>određen je istražni zatvor</i>	<i>определена мера пресечения в виде заключения под стражу</i>
<i>dijagnosticirane su ozljede</i>	<i>обнаружены повреждения/раны</i>
<i>navodi nisu utemeljeni</i>	<i>доводы не обоснованы</i>
<i>osumnjičenik nije osuđivan</i>	<i>подозреваемый не был осуждён</i>
<i>žalba je odbijena</i>	<i>апелляционная жалоба отклонена</i>
<i>održano je ročište</i>	<i>проведено слушание</i>
<i>kazneno djelo stavljeno je na teret</i>	<i>вменяется преступление</i>
<i>okrivljenik je pozvan</i>	<i>обвиняемый вызван</i>
<i>svjedok je upitan</i>	<i>свидетелю задан вопрос</i>

Наряду с пассивными конструкциями в судебном дискурсе широко применяются безличные, в которых отсутствуют глаголы в форме 1-го и 2-го лица настоящего времени, а формы 3-го лица используются в неопределённо-личном значении, тем самым подчёркивается неличный, не субъективный характер действия правосудия, решения принимает абстрактный «суд» и «закон», а не конкретный судья:

<i>prihvaća se prijedlog</i>	<i>удовлетворяется ходатайство</i>
<i>računa se</i>	<i>отсчёт ведётся, отсчитывается</i>
<i>navodi se</i>	<i>указывается</i>
<i>odbija se žalba</i>	<i>отклоняется апелляция</i>
<i>ukida se istražni zatvor</i>	<i>отменяется заключение под стражу, отменяется содержание под стражей</i>
<i>problemizira se postojanje osnovane sumnje</i>	<i>ставится под вопрос наличие обоснованного подозрения</i>
<i>da se zaključak</i>	<i>делается вывод</i>
<i>ističe se</i>	<i>отмечается, подчёркивается</i>
<i>utvrđuje se</i>	<i>устанавливается</i>
<i>konstatira se</i>	<i>подтверждается, утверждается</i>

Говоря о дискурсивных и синтаксических особенностях языка уголовного права, следует отметить чёткую, последовательно соблюдаемую структуру разного рода письменных судебных

решений. Анализируя многообразные постановления, решения, представления, мы вычленили следующую закономерность: решение суда (*rješenje*) обычно состоит из четырёх частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. Во вводной части (*uvod*) указывается номер дела, наименование суда, состав суда (единоличный или коллегиальный), секретарь-протоколист судебного заседания, стороны, другие лица, участвующие в заседании (*судебный переводчик, свидетель, судмедэксперт* и др.), предмет спора или заявленное требование. Описательная часть содержит указание на требование заявителя (прокурора, защитника, подозреваемого и др.). Мотивировочная (*obrazloženje*) — самая обширная часть, однако она не подаётся в виде сплошного повествования, а делится на пронумерованные части — абзацы. В мотивировочной части указываются установленные судом обстоятельства дела, выводы суда, доказательства в пользу требования заявителя или отвергающие его, законы, которыми суд руководствуется в принятии решения. Резолютивная часть (*izriječka, dispozitiv*) должна содержать выводы суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства и порядок обжалования судебного решения. Каждый документ снабжён гербом Республики Хорватии в начале документа, а завершается подписью судьи, вынесшего решение, чаще всего электронной, и QR-кодом, по которому можно проверить достоверность документа, хранящегося в реестре на сайте «Услуги судебной системы Республики Хорватии».

Описанная структура характерна для документов с прескриптивной и аргументирующей функциями юридического дискурса типа судебного решения, постановления, распоряжения. Не менее чёткой структурой обладают документы, выполняющие информативную функцию юридического дискурса: протокол допроса (*zapisnik o ispitivanju*) (регистрационный номер, наименование суда, дата, состав участников заседания, указание на статью закона, по которой вменяется обвинение, время начала и окончания допроса, подписи участников заседания) или повестка в суд (*poziv za sud*) (регистрационный номер, наименование суда, дата и время назначенного судебного слушания, адрес и номер зала заседаний, повод назначенного заседания и список лиц, которым нужно доставить повестку). Соблюдение принятых в судебной системе правил и предписаний для составления юридических документов способствует унификации, единообразию формы и структуры правовых текстов. В. Г. Костомаров называет их «обобщёнными бланками», которые выработал деловой язык «для

кодирования типовой информации в чётком обслуживании сложного управленческого аппарата государства и социально-хозяйственного организма» (96). Стандартизированный, в какой-то степени даже трафаретный, юридический язык обеспечивает доступность и простоту понимания содержимого для всех участников судопроизводства и сводит к минимуму проявления субъективности в охране правопорядка.

5. Техника перевода терминов уголовного права

5.1. Адекватность и эквивалентность перевода

В общей теории перевода адекватность и эквивалентность являются двумя основными требованиями к переводу, что справедливо и в отношении юридического перевода. *Словарь иностранных слов* определяет *адекватный* (от лат. *adaequatus* 'приравненный') как «вполне соответствующий, совпадающий, тождественный» (Крысин 32). Адекватность, скорее, относится к процессу перевода, который должен происходить адекватным способом. Адекватный перевод, по Комиссарову, обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, соблюдает жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и не допускает нарушения норм и узуса ПЯ (246).

Говоря об эквивалентности, мы имеем в виду результат перевода, причём отмечаем функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Эквивалент (от фр. *équivalent* 'равноценный' < лат. *aequus* 'равный' + *valēns, valentis* 'имеющий силу, здоровье, крепкий, основательный') — «нечто равноценное, равнозначное, равносильное другому, полностью заменяющее его» (Крысин 826). Основоположник теории уровней эквивалентности В. Н. Комиссаров под эквивалентностью перевода понимал «общность содержания (смысловую близость) текстов оригинала и перевода» (47). Эквивалентность может достигаться на пяти иерархически взаимосвязанных уровнях:

1. уровень цели коммуникации,
2. уровень описания ситуации,
3. уровень способа описания ситуации,
4. уровень структуры высказывания,
5. уровень лексико-семантического соответствия (Гарбовский 298).

Модель эквивалентности вполне применима к переводу судебных текстов уголовного права в силу их принадлежности к официально-деловому функциональному стилю речи, а

«официально-деловые тексты полностью ориентированы на передачу содержания» (Виноградов 22). Принадлежность исходного текста к конкретному функциональному стилю, по Комиссарову, оказывает влияние на характер протекания переводческого процесса и требует от переводчика использования особых методов и приёмов (109). В настоящей работе мы ограничимся данным подходом, однако представляется возможным проанализировать перевод юридической лексики в свете функционалистской скопос-теории, разработанной зарубежными учёными Катариной Райс (Katharina Reiss), Хансом Фермеером (Hans Vermeer), Кристиан Норд (Christiane Nord). Теория скопос также говорит об адекватности перевода, однако адекватности не тексту оригинала, а адекватности цели, намерению перевода, от греч. *σκοπου* — 'цель'. Позиции сторонников функциональной лингвистики близко утверждение Н. К. Гарбовского, что категория адекватности является характеристикой не степени соответствия текста перевода тексту оригинала, а степени его соответствия ожиданиям участников коммуникации (289), причём под участниками коммуникации он подразумевает не только автора исходного текста, но и реципиента текста перевода. Такому мнению категорически противится В. С. Виноградов, для которого цель перевода состоит «не в подгонке текста под чьё-то восприятие, а в сохранении содержания, функций, стилевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала» (20).

Тождественно этим двум целевым установкам, выделяют две стратегии перевода юридических текстов: первая направлена на целевой язык и подразумевает использование эквивалентов, схожих по своим функциям с аналогами в ПЯ, вторая ориентируется на язык оригинала, переводчик стремится максимально сохранить семантику исходного термина. Проиллюстрируем на примере: нам нужно перевести на хорватский язык название российской коммерческой компании *Общество с ограниченной ответственностью «Прогресс»*. В соответствии с первой переводческой стратегией (ориентация на ПЯ), название следует перевести как «*Napredak*» d.o.o.⁴, по второй стратегии (ориентация на ИЯ), переводчик транслитерирует наименование: ООО «*Progres*». Возьмём ещё один пример из нашего корпуса. В хорватской юрисдикции одним из базовых является закон под названием *Zakon*

⁴ d.o.o. — *društvo s ograničenom odgovornošću*, что соответствует термину *общество с ограниченной ответственностью*

о *kaznenom postupku*. Если применять вторую переводческую стратегию и ориентироваться на исходный язык, то название можно перевести как *Закон об уголовном судопроизводстве*. Подбор же эквивалента в языке перевода (первая переводческая стратегия) приведёт нас к названию *Уголовно-процессуальный кодекс*. Важно подчеркнуть, что к переводу юридически защищённых наименований коммерческих компаний, известных брендов и т. п. стоит подходить очень осторожно, потому что перевод может повлечь за собой утрату их узнаваемости и правового статуса. И хотя на практике встречаются случаи перевода известных мировых брендов на национальные языки (*Spiderman* — *Человек-паук*, *Red Wings* — *Красные крылья*), в большинстве случаев рекомендуется сохранять оригинальное наименование или передавать им средствами графической системы другого языка, т. е. транслитерацией. В настоящей работе мы руководствовались первой переводческой стратегией, предполагающей подбор лексических эквивалентов в языке перевода, максимально близко отражающих семантику юридических терминов исходного языка и выполняющих тождественные функции.

5.2. Переводческие трансформации и приёмы перевода лексики уголовного права

Рассмотрим теперь набор конкретных трансформаций и приёмов, к которым мы прибегли для передачи хорватских терминов уголовного права на русский язык. Для начала вспомним дефиницию термина. Комиссаров определяет термины как «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определённой области науки и техники» (110). Большинство терминов всё же полисемантичны, принадлежность слова к лексике определённой научной или профессиональной области не исключает её функционирования в общеупотребительном языке. Обращение к доступным двуязычным словарям (хорватско-русским) не всегда даёт возможность подобрать оптимальный вариант перевода термина. Задачей переводчика становится выбор именно терминологического значения слова путём анализа лингвистического контекста.

Возьмём два примера:

- poziv* — 1) приглашение, зов,
2) воззвание, обращение, призыв,
3) зов, призыв, клич (*книж.*), окрик, оклик,
4) вызов,

5) (*воен.*) призыв,

6) повестка

7) (*перен.*) призвание, профессия, специальность

Приведённые значения взяты из двуязычного хорватско-русского словаря Матии Даутовича (139–140). В нём некоторые лексические единицы на русском языке снабжены пометами о стилистической или профессиональной принадлежности слова, указано и переносное значение, однако недостаёт последовательности в маркировке, что существенно осложняет задачу переводчика. Отсутствует помета принадлежности слова повестка к юридическим терминам, что фиксирует *Большая юридическая энциклопедия* А. Б. Барихина (821). И только контекстуальный анализ коллокаций *sudski poziv* — *судебная повестка*, *повестка в суд* приводит к нужному результату перевода.

Ещё один пример, когда отсутствие помет о принадлежности слова к терминам конкретной области знаний вынуждает переводчика прибегнуть к методу контекстуального анализа:

nalog — 1) распоряжение, приказание, приказ, предписание, поручение, задание,

2) заказ, наряд, требование

Из девяти вариантов перевода лишь одно снабжено примером сочетания с термином *судебный*: *sudski nalog* — *предписание суда*. Среди коллокаций словарь Даутовича приводит *nalog za uhićenje* — *ордер на арест* (581), однако лексема *ордер* не включена в список значений. Несовершенство единственного доступного в Хорватии хорватско-русского словаря налицо, что является ещё одним аргументом в пользу необходимости создания двуязычного глоссария терминов уголовного права.

Процесс перевода состоит из нескольких этапов, первым из них является пословный и дословный перевод компонентов словосочетания, после которого следует погружение в культурно-правовой контекст ПЯ, позволяющий вычленив из совокупности смыслов лучшее соответствие денотату. Рассмотрим термин *blagodat nesvjedočenja*. Хорватское слово *blagodat* переводится на русский как

1) благодать, блаженство, счастье, благополучие, благо, выгода, польза,

2) (*рел.*) благодать, благословение, милость, дар, благодеяние (Даутович 47).

В предложенных вариантах перевода проявляется оценочная семантика, эмоциональная окраска, не свойственная

юридическому дискурсу. Единственный приемлемый вариант перевода из предложенных — слова *выгода* или *польза*. Хорватскую лексику *nesvjedočenje* можно предварительно перевести на русский с помощью приёма лексического добавления и приёма грамматической трансформации: *не давать свидетельские показания*. Промежуточным переводом мы получаем достаточно громоздкое выражение *выгода/польза не давать свидетельские показания*. После обращения к русской терминологии уголовного права находим лучший лексико-семантический эквивалент, причём с антонимическим переводом: *свидетельский иммунитет*.

В рамках стратегии перевода выбор конкретных переводческих техник и приёмов определяется типом текста (И. С. Алексеева в: Скворцов 12). При переводе хорватских документов уголовного права на русский язык часто приходится использовать различные приёмы трансформаций:

<i>branitelj po službenoj dužnosti</i>	<i>защитник по назначению суда</i>
--	------------------------------------

— грамматическая трансформация, замена части речи: «прилагательное + существительное» на «существительное + существительное»,

<i>žalba nije dopuštena</i>	<i>обжалованию не подлежит</i>
-----------------------------	--------------------------------

— грамматическая трансформация, замена типа предложения: пассивная конструкция заменена безличной,

<i>kazneno djelo</i>	<i>преступление</i>
----------------------	---------------------

— приём опущения,

<i>fizički, psihički zlostavljati</i>	<i>применять физическое, психологическое насилие</i>
---------------------------------------	--

— комплексная лексико-грамматическая трансформация, приём экспликации, замена глагола глагольным словосочетанием,

<i>odrediti istražni zatvor</i>	<i>определить меру пресечения в виде заключения под стражу</i>
---------------------------------	--

— лексическая трансформация, генерализация как лексико-семантическая замена: *istražni zatvor* — *следственный изолятор* заменён на более широкое метонимическое понятие *заключение под стражу*.

Остановимся на переводе понятия «местопребывание подозреваемого в совершении преступления». В хорватском уголовном праве встречаются три термина: *pritvor*, *istražni zatvor*, *zatvor*, что не следует переводить на русский терминами *тюрьма*, *следственная тюрьма* и т. п. Анализ справочной литературы⁵ и законодательных документов⁶ показал, что слова *pritvor* и *istražni zatvor* имеют значение действия ('арест, задержание', 'предварительное заключение'), а местом пребывания задержанного является тюрьма. Однако в российском правовом поле фигурируют лексемы с семантикой места: *тюрьма*, *следственный изолятор (СИЗО)*, *изолятор временного содержания (ИВС)*. Сопоставив основания для содержания подозреваемого в пенитенциарном учреждении и время его содержания в правовой практике России и Хорватии⁷, мы пришли к выводу, что термину *pritvor* соответствует русский *содержание в ИВС*, тогда как термину *istražni zatvor* тождественен *заключение в СИЗО, содержание в СИЗО*, тем более что словарём Даутовича подтверждены эквиваленты *istraga* и *следствие*, *istražni* и *следственный*. Учитывая разницу в семантическом наполнении терминов (действие и место), мы прибегли к лексической трансформации и заменили *заключение в СИЗО* на метонимическое *мера пресечения в виде заключения под стражу* с помощью приёмов генерализации и добавления.

Попробуем разобраться в терминах, именующих фигуранта уголовного дела. В хорватском юридическом дискурсе встречаем

⁵ «Pritvor». *Hrvatski opći leksikon*, <https://hol2.lzmk.hr/clanak/pritvor>. 4 августа 2024; «Pritvor». *Hrvatska enciklopedija*, <https://www.enciklopedija.hr/clanak/pritvor>. 4 августа 2024; Dautović, Matija. *Hrvatsko-ruski rječnik*. Sv. 2. 2002.

⁶ *Zakon o kaznenom postupku*, <https://www.zakon.hr/z/174/Zakon-o-kaznenom-postupku>. 4 августа 2024.

⁷ *Kratki rječnik pojmova*, <https://www.sigurnomjesto.hr/informacije/kratki-rjecnik-pojmova/>. 5 августа 2024; Optuženik (kazneni postupak). *Službene internetske stranice Europske unije*, https://e-justice.europa.eu/169/HR/defendants_criminal_proceedings?CROATIA&action=maximizeMS&clang=hr&idSubpage=1&member=1. 5 августа 2024; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», <https://base.garant.ru/1305540/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/#frie.nds>. 5 августа 2024; Изолятор временного содержания. Правила содержания обвиняемых и подозреваемых, отличия ИВС от СИЗО, (<https://zakonguru.com/zpp/sud/izolyator.html>). 5 августа 2024.

четыре имени существительных: *osumnjičenik*, *okrivljenik*, *optuženik*, *osuđenik*, в русском — четыре субстантивированных причастия: *подозреваемый*, *обвиняемый*, *подсудимый*, *осуждённый*. Два из них не вызывают трудностей в подборе эквивалентов:

<i>osumnjičenik</i>	<i>подозреваемый</i>
<i>osuđenik</i>	<i>осуждённый</i>

Однако две остальных единицы *okrivljenik* и *optuženik* не имеют единичных соответствий в русском, обе переводятся как *обвиняемый*, *подсудимый*. Не вносят ясность и хорватские источники, например, Портал хорватского языка (*Hrvatski jezični portal*) определяет термин *optuženik* как ‘тот, кому предъявлено обвинение’⁸, хорватский *Уголовно-процессуальный кодекс* (*Zakon o kaznenom postupku*) дефинирует его как ‘лицо, против которого подтверждено обвинение’⁹. Речь идёт о расхождении в этапах досудебного расследования. Если же мы обратимся к термину *okrivljenik*, то *Хорватская энциклопедия* утверждает, что он может употребляться в широком смысле, как родовое понятие для обозначения обвиняемого на разных стадиях уголовного процесса (*okrivljenik*, *optuženik*, *osuđenik*), а в узком смысле — для обозначения лица, против которого ведётся уголовный процесс¹⁰. В *Уголовно-процессуальном кодексе Хорватии* (*Zakon o kaznenom postupku*) *okrivljenik* — это ‘лицо, против которого вынесено решение о проведении расследования’¹¹. Данные российского *Уголовно-процессуального кодекса*¹² приводят к выводу, что термин *обвиняемый* применителен на всех стадиях уголовного судопроизводства вплоть до назначения судебного разбирательства, когда его следует заменить на термин

⁸ Перевод наш — Е. Ч. Оригинал: *Optuženik je onaj protiv koga je podignuta optužnica*, <https://hjp.znanje.hr/index.php?show=search>. 5 августа 2024.

⁹ Перевод наш — Е. Ч. Оригинал: *Optuženik je osoba protiv koje je optužnica potvrđena*, <https://www.zakon.hr/z/174/Zakon-o-kaznenom-postupku>. 5 августа 2024.

¹⁰ Перевод наш — Е. Ч. Оригинал: *Okrivljenik, u kaznenome procesnom pravu, osoba protiv koje se vodi kazneni postupak; u širem smislu, naziv za okrivljenika, optuženika i osuđenika*, <https://www.enciklopedija.hr/clanak/okrivljenik>. 5 августа 2024.

¹¹ Перевод наш — Е. Ч. Оригинал: *Okrivljenik je osoba protiv koje je doneseno rješenje o provođenju istrage*, <https://www.zakon.hr/z/174/Zakon-o-kaznenom-postupku>. 5 августа 2024.

¹² <https://sudact.ru/law/upk-rf/>. 5 августа 2024.

подсудимый. Таким образом, для разграничения хорватских и русских терминов следует принять во внимание ситуативный контекст, чтобы установить, в каком значении выступает та или иная единица:

<i>okrivljenik</i> (на всех стадиях уголовного процесса)	<i>обвиняемый</i>
<i>optuženik</i> (после предъявления обвинения и подтверждения обвинения)	<i>обвиняемый</i>
<i>optuženik</i> (после назначения судебного разбирательства)	<i>подсудимый</i>

5.3. Оформление ссылок на законодательные акты

«Успешное выполнение социальной функции перевода возможно лишь в том случае, если переводчик глубоко и всесторонне знает язык оригинала и отражённую в нём историю и культуру народа», — утверждал Комиссаров (9). Осуществляя перевод юридической документации с хорватского языка на русский и обратно, переводчик должен обращать внимание не только на языковое содержание, но и на экстралингвистические особенности нормативного построения юридических текстов. Он должен учитывать требования узуса — «языковые привычки носителей языка перевода» — и не нарушать «привычное восприятие правового документа» читателем (Щепотина, Рыжкова 133). Игнорирование или пренебрежение данным правилом существенно затрудняет восприятие текста носителем языка, на который перевод осуществляется. Письменные документы уголовного права изобилуют ссылками на положения законов, в соответствии с которыми предпринимаются судебные действия, а порядок расположения частей нормативного акта в ссылках в хорватском и российском делопроизводстве различаются. Если в хорватских текстах уголовного права ссылаются сначала на статью закона (*članak*), затем на часть статьи (*stavak*) и наконец пункт (*točka*), то российские нормативы, наоборот, предписывают ссылаться на положения закона от наименьшей части к наибольшей (*пункт – часть – статья*):

<i>na temelju čl. 123 st. 1 t. 2 Zakona o kaznenom postupku</i>	<i>на основании положений п. 2 ч. 1 ст. 123 Уголовно-процессуального кодекса</i>
---	--

Хорватская и российская правовые системы принадлежат к одной правовой модели (континентальное, романо-германское право), что в значительной степени сближает их правовые нормы и принципы, тем самым облегчает перевод. И всё же единицы юридической терминологии в каждом конкретном национальном государстве различаются, являются культурно-маркированными (Хижняк 2008, 97), потому что право любой страны тесно связано с её политикой, идеологией и культурой. Переводчик обязан владеть основами юридической компетенции, которая вкупе с лингвистической, культурной и переводческой, позволит ему адекватно передать, по меткому выражению Э. А. Вартаньяна, «чужое» на «свое» (290).

6. Выводы

Проведённое исследование показало, что перевод документов уголовного права с хорватского языка на русский является комплексной задачей, поскольку в Хорватии отсутствуют двуязычные лексикографические источники по юридической области знания, а единственный доступный хорватско-русский словарь автора Матии Даутовича, при всех его достоинствах, не предлагает полного охвата всех вариантов значения и не проводит последовательную маркировку юридических терминов. В таких условиях большая нагрузка ложится на плечи переводчика, от которого требуется владение тремя отраслями науки: теорией языка, теорией права и теорией перевода. Его труд — поистине подвижнический (Вартаньян 296), его мастерство, по Комиссарову, «заключается в умении отыскать ряд соответствий единице оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста» (145). Для создания адекватного и эквивалентного перевода переводчик использует весь арсенал доступных ему инструментов, чтобы получить в итоге текст, который звучит так, «как его написал бы автор оригинала» (Комиссаров 199). В проведённом исследовании нами предложены русские юридические эквиваленты хорватских терминов, полученные применением разнообразных языковых трансформаций (лексических, грамматических, лексико-грамматических), переводческих приёмов добавления, опущения, экспликации, генерализации и проведением поэтапного процесса перевода, включающего пословный, дословный перевод и погружение в контекст. Предложенные в работе эквиваленты могут стать хорошим подспорьем в составлении так необходимого

двуязычного хорватско-русского глоссария терминов уголовного права.

Литература:

- "Africa Day Celebrated in Havana." *Granma International*, English ed., 31 May 2009, p. 16.
- Аванесов, Р. И. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Русский язык, 1988, rus-old-russian-dict.slovaronline.com/. Accessed 2 Aug. 2024.
- Баринаова, И. А. "О национально-культурной специфике перевода юридического текста." *Вестник РХГА*, no. 4, 2012, cyberleninka.ru/article/n/o-natsionalno-kulturnoy-spetsifike-perevoda-yuridicheskogo-teksta. Accessed 31 July 2024.
- Баринаова, И. А., and Н. М. Нестерова. "Перевод: 'поверженный/неповерженный' буквализм." *Вестник Череповецкого государственного университета*, no. 6, 2018, pp. 66-77.
- Барихин, А. Б. *Большая юридическая энциклопедия*. Книжный мир, 2010.
- Брокгауз, Ф. А., and И. А. Ефрон. *Энциклопедический словарь*. Брокгауз–Ефрон, 1890-1907, rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/. Accessed 2 Aug. 2024.
- Counting Crows. *August and Everything After*. DGC, 1993. CD.
- Cross, Susan, and Christine Hoffman. *Bruce Nauman: Theaters of Experience*. Guggenheim Museum; Thames & Hudson, 2004.
- Dautović, M. *Hrvatsko-ruski rječnik*. Sv. 1, 2, Školska knjiga, 2002.
- Dean, Cornelia. "Executive on a Mission: Saving the Planet." *The New York Times*, 22 May 2007, www.nytimes.com/2007/05/22/science/earth/22ander.html?_r=0. Accessed 29 May 2019.
- Дохова, З. Р. "Лингвистические особенности судебного дискурса." *Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах*, Первый класс, 2021, pp. 20-32.
- Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». base.garant.ru/1305540/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/#friends. Accessed 5 Aug. 2024.
- Гарбовский, Н. К. *Теория перевода*. Издательство Московского университета, 2007.
- Gilman, Sandor, et al. *Hysteria beyond Freud*. U of California P, 1993.
- Глушаченко, С. Б., and Р. Т. Цветков. "Обычное право в договоре между Русью и Византией 911 года." *Ленинградский юридический журнал*, no. 2:52, 2018, pp. 20-30, cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-dogovore-mezhdu-rusyu-i-vizantiei-911-g. Accessed 29 July 2024.
- Голев, Н. Д. "Правовая коммуникация в зеркале естественного языка." *Юрислингвистика*, no. 7,

- 2006, cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kommunikatsiya-v-zerkale-estestvennogo-yazyka-1. Accessed 2 Aug. 2024.
- . *Юрислингвистика. Вводный очерк теории: учебное пособие*. Кемеровский государственный университет, 2021.
- Графский, В. Г. "Кодекс Юстиниана." *Большая российская энциклопедия*, 2023, bigenc.ru/c/kodeks-iustiniana-03545a. Accessed 29 July 2024.
- Хижняк, С. П. "Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии)." *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, no. 1, 2008, pp. 92-99, cyberleninka.ru/article/n/novoe-v-issledovanii-terminologicheskikh-sistem-na-primere-yuridicheskoy-terminologii. Accessed 29 July 2024.
- . "Юридический перевод как вид специального перевода." *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, no. 3, 2022, pp. 20-30.
- Hrvatska enciklopedija, mrežno izdanje*. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2013-2024, www.enciklopedija.hr/. Accessed 3 Aug. 2024.
- Hrvatski jezični portal*. hjp.znanje.hr/. Accessed 29 July - 5 Aug. 2024.
- Hrvatski opći leksikon*. hol2.lzmk.hr/Projekt. Accessed 29 July - 5 Aug. 2024.
- "Изолятор временного содержания. Правила содержания обвиняемых и подозреваемых, отличия ИВС от СИЗО." *ZakonGuru*, 2014-2024, zakonguru.com/zpp/sud/izolyator.html. Accessed 5 Aug. 2024.
- Комиссаров, В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Высшая школа, 1990.
- Костомаров, В. Г. *Жизнь языка*. Педагогика, 1984.
- Kowalewski, Michael. "Jack Kerouac and the Beats in San Francisco." *San Francisco in Fiction: Essays in a Regional Literature*, edited by David Fine and Paul Skenazy, U of New Mexico P, 1995, pp. 126-143.
- Kratki rječnik pojmova*. www.sigurnomjesto.hr/informacije/kratki-rjecnik-pojmova/. Accessed 29 July - 5 Aug. 2024.
- Крысин, Л. П. *Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов*. Эксмо, 2008.
- Кубрякова, Е. С. "Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)." *Язык и наука конца XX века*, 1995, pp. 46-59.
- Лебедева, Н. Б. "О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы)." *Юрислингвистика*, no. 2, 2000, cyberleninka.ru/article/n/o-metayazykovom-soznanii-yuristov-i-predmete-yurislingvistiki-k-postanovke-problemy-1. Accessed 31 July 2024.
- Лукин, П. В. "Русская правда (кодекс)." *Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал*, 2023, bigenc.ru/c/russkaia-pravda-kodeks-912465/?v=7312014. Accessed 31 July 2024.
- Mikulaco, I. *Hrvatsko i rusko pravno nazivlje*. Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, 2024.
- Скворцов, О. Г. *Перевод деловой и юридической документации*. Издательство Уральского университета, 2019.

- Шепелёв, А. Н. "Характеристика юридического языка." *Социально-экономические явления и процессы*, no. 1, 2012, cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-yuridicheskogo-yazyka. Accessed 30 July 2024.
- Щепотина, Е. В., and Е. А. Рыжкова. "Национально-культурные аспекты перевода юридического текста." *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Международной научной конференции*, Буки-Веди, 2016, pp. 132-142.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). sudact.ru/law/upk-rf/. Accessed 5 Aug. 2024.
- Вартаньян, Э. А. *Язык. Слово. Речь*. Галерея, 2007.
- Виноградов, В. С. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Zakon o kaznenom postupku*. www.zakon.hr/z/174/Zakon-o-kaznenom-postupku. Accessed 5 Aug. 2024.
- Якеменко, Б. Г. *История России с древнейших времен до наших дней*. Яуза, 2024.

CHARACTERISTICS OF LEGAL DISCOURSE AND TECHNIQUES FOR TRANSLATING CRIMINAL LAW TERMS FROM CROATIAN INTO RUSSIAN

1. Relevance of the Study, Objectives and Methodology

The integration of linguistics and legal science, which began in Western Europe in the late 1960s (forensic linguistics) and in Russia in the early 21st century (jurislinguistics), has intensified significantly in recent years. This integration is largely driven by pragmatic needs. The migrant influx to Europe over the past decade has highlighted the importance of translating legal texts (both oral and written) and compiling bilingual legal dictionaries and glossaries. The translation issue becomes especially pressing when no specialised bilingual glossaries are available, as is the case with the Croatian–Russian language pair. This constitutes the relevance of the present study.

The aim of the study is to examine the linguistic features (lexical, semantic, morphological, syntactical) of judicial discourse within the framework of functional style theory and to analyse translation techniques for lexical units of criminal law from Croatian into Russian. The applied value lies in offering Russian equivalents for Croatian legal terms and expressions used in criminal proceedings, which can be employed in the creation of a Croatian–Russian criminal law glossary. The research corpus is based on original Croatian court documents translated by the author into Russian from February to August 2024. The following methods were used: continuous sampling, linguistic analysis, contextual analysis, comparative, descriptive and transformational analysis, as well as observation and interpretation techniques.

2. Introductory Remarks

Legal professionals acknowledge the importance of broad linguistic knowledge and communication skills for their work. When representatives of different cultures are involved in a legal system, the role of the translator as a “mediator” in communication increases significantly. Translators must have a perfect command of both the source and target languages, as well as a solid understanding of the legal systems of both countries. Moreover, they must be able to select appropriate translation techniques to find equivalents for legal terms. Thus, legal translation, as J. E. Joseph put it, relies on theoretical foundations from three areas: language theory, legal theory and translation theory (Khizhnyak 2022, 23).

Foreign scholars such as Jan Svartvik, D. Mellinkoff, N. P. Himmelmann, R. I. Walbaum, C. Goddard, M. Coulthard and R. W. Shuy were among the first to emphasise the need for combining linguistics and legal methods in criminal cases, laying the groundwork for forensic linguistics as a scientific field.

3. Historical Background

Legal translation has deep historical roots. One example is the earliest documented peace treaty between Ancient Egypt and the Hittite Empire in 1259 BC, which existed in two versions – Hittite and Ancient Egyptian. The Roman *Corpus Juris Civilis*, which significantly influenced the development of European legal science, is also a prominent example of a translated legal text. In ancient Rus', legal documents included treaties between Rus' and Byzantium (907, 911, 944, 971), which regulated judicial procedures, punishments for crimes and trade relations (Glushachenko & Tsvetkov, 29). These treaties were written in both Greek and the language of the counterpart, requiring legal translation. The foundational document of Russian law is Russkaya Pravda, the oldest legal code from the eleventh century.

4. Linguistic Features of Judicial Discourse

Russian scholars differ in their views on where legal language fits within literary language. Some (N. D. Golev, M. L. Davydova, N. V. Malanina, N. A. Martynova, I. A. Matyushin, R. P. Shcheglov, S. P. Khizhnyak, Yu. V. Chemeteva, N. S. Valgina) classify legal language as a functional substyle of official-business or a combination of official-business and scientific styles. Others (V. B. Isakov, A. N. Shepelev, A. A. Ushakov) treat it as an independent functional style alongside scientific, official-business, journalistic, colloquial and artistic styles.

Legal language is characterised by precision, clarity and unambiguity, as “a legal norm by its nature is a command” (Golev 2021, 32). Legal texts are emotionally neutral and devoid of subjective opinions to prevent emotional influence during judicial decision making. An exception may be courtroom speeches, where the pragmatic function is more prominent. The precision and dryness of legal language result from frequent use of stylistically neutral legal terms, restricting their pragmatic flexibility. Criminal law texts primarily serve informative and prescriptive functions.

Semantically, legal language tends to favour strict modal semantics due to the law's prescriptive nature ("to order", "to prohibit", "to punish", "to permit"). Examples from the corpus include:

dozvoliti – разрешить, дать разрешение

naložiti – приказать, предписать, распорядиться

odbiti – отказать, отклонить

osporiti – обжаловать, оспорить

ukinuti – отменить

There is a notable absence of words of epistemic modality such as: *possibly, probably, often* and subjunctive mood constructions. The prescriptive nature of criminal law discourse is conveyed through implicit imperative constructions using the indicative mood in the present tense, which implies timeless legal validity and prescriptive force (Golev 2006, 26).

Lexically, judicial discourse relies on clichés, set phrases and fixed expressions. Adjectives and nouns are deliberately stripped of evaluative or connotative meanings to maintain objectivity.

Morphologically, passive constructions are widely used in criminal law texts, more so than in general literary Croatian. Examples:

određen je istražni zatvor – определена мера пресечения в виде заключения под стражу

dijagnosticirane su ozljede – обнаружены повреждения/раны

žalba je odbijena – апелляционная жалоба отклонена

održano je ročište – проведено слушание

kazneno djelo stavljeno je na teret – вменяется преступление

Impersonal constructions also prevail, avoiding first- and second-person verb forms and using third-person forms to emphasise the depersonalised nature of legal decisions, made by the abstract entities the "court" and "law" rather than individual judges:

prihvaća se prijedlog – удовлетворяется ходатайство

računa se – отсчёт ведётся, отсчитывается

odbija se žalba – отклоняется апелляция

da se zaključak – делается вывод

konstatira se – подтверждается, утверждается

The syntactical structure of Croatian legal decisions consistently follows a four-part format: (1) Introduction, (2) Descriptive part, (3) Reasoning, and (4) Resolution. In the introductory part (*uvod*), the case number, the name of the court, the composition of the court (single judge or panel), the court session secretary, the parties and other participants in the hearing (court interpreter, witness, forensic expert, etc.) are indicated, as well as the subject of the dispute or the claim submitted. The descriptive part outlines the claim made by the applicant (prosecutor, defence attorney, suspect, etc.). The reasoning part (*obrazloženje*) is the most extensive section; however, it is not presented as a continuous narrative, but rather divided into numbered parts – paragraphs.

This part sets out the facts established by the court, the court's findings, the evidence supporting or refuting the applicant's claim, and the laws upon which the court relies in reaching its decision. The resolutive part (*izrjeka, dispozitiv*) contains the court's conclusion on whether the claim is granted or denied and provides information on the procedure for appealing against the court's decision. Every document features the Croatian coat of arms, a judge's signature (often digital) and a QR code verifying the document's authenticity on the official Croatian judiciary portal.

Summing up the description of legal discourse, it should be emphasised that adherence to the rules and regulations established within the judicial system for drafting legal documents contributes to the unification and uniformity of the form and structure of legal texts. V. G. Kostomarov refers to them as "generalised templates" developed by business language "for encoding standard information in the efficient servicing of the complex administrative machinery of the state and the socio-economic system" (96). They help to standardise and simplify complex legal communication, ensuring clarity, objectivity and minimal subjectivity.

5. Techniques for Translating Criminal Law Terms

5.1. Adequacy and Equivalence in Translation

In general translation theory, adequacy and equivalence are two essential criteria, which also apply to legal translation. The Dictionary of Foreign Words defines "adequate" (from the Latin *adaequatus* – "equalised") as "fully corresponding, matching or identical" (Krysin, 32). Adequacy typically refers to the translation process, which should proceed in an adequate manner. According to Komissarov, an adequate translation fulfils the pragmatic goals of the translation act at the highest possible level of equivalence, adheres to genre and stylistic norms of the target text and complies with the norms and usage of the target language (246).

Equivalence, in contrast, refers to the outcome of the translation, specifically to the functional correspondence between the source and the target texts. The term "equivalent" (from French *équivalent* < Latin *aequus* – "equal" + *valens* – "strong") means "something equal in value, meaning or force" (Krysin, 826). Komissarov, the founder of the theory of equivalence levels, defined translation equivalence as the "semantic proximity or content similarity" between the original and the translated texts (47).

Skopos theory, developed by Reiss, Vermeer and Nord, also addresses adequacy – though not in relation to the source text, but to the translation's purpose (*skopos* = "goal" in Greek). In this context, N. K. Garbovsky argued that adequacy refers not to fidelity to the original, but to the degree to which the translation meets the expectations of communication participants (289), including the source text author and the target audience. This view is opposed by V. S. Vinogradov, who insists that the goal of translation is "not to adapt the text to someone's perception, but to preserve its content, function, stylistic and communicative values" (20).

This part sets out the facts established by the court, the court's findings, the evidence supporting or refuting the applicant's claim, and the laws upon which the court relies in reaching its decision. The resolutive part (*izrjeka, dispozitiv*) contains the court's conclusion on whether the claim is granted or denied and provides information on the procedure for appealing against the court's decision. Every document features the Croatian coat of arms, a judge's signature (often digital) and a QR code verifying the document's authenticity on the official Croatian judiciary portal.

Summing up the description of legal discourse, it should be emphasised that adherence to the rules and regulations established within the judicial system for drafting legal documents contributes to the unification and uniformity of the form and structure of legal texts. V. G. Kostomarov refers to them as "generalised templates" developed by business language "for encoding standard information in the efficient servicing of the complex administrative machinery of the state and the socio-economic system" (96). They help to standardise and simplify complex legal communication, ensuring clarity, objectivity and minimal subjectivity.

5. Techniques for Translating Criminal Law Terms

5.1. Adequacy and Equivalence in Translation

In general translation theory, adequacy and equivalence are two essential criteria, which also apply to legal translation. The Dictionary of Foreign Words defines "adequate" (from the Latin *adaequatus* – "equalised") as "fully corresponding, matching or identical" (Krysin, 32). Adequacy typically refers to the translation process, which should proceed in an adequate manner. According to Komissarov, an adequate translation fulfils the pragmatic goals of the translation act at the highest possible level of equivalence, adheres to genre and stylistic norms of the target text and complies with the norms and usage of the target language (246).

Equivalence, in contrast, refers to the outcome of the translation, specifically to the functional correspondence between the source and the target texts. The term "equivalent" (from French *équivalent* < Latin *aequus* – "equal" + *valens* – "strong") means "something equal in value, meaning or force" (Krysin, 826). Komissarov, the founder of the theory of equivalence levels, defined translation equivalence as the "semantic proximity or content similarity" between the original and the translated texts (47).

Skopos theory, developed by Reiss, Vermeer and Nord, also addresses adequacy – though not in relation to the source text, but to the translation's purpose (*skopos* = "goal" in Greek). In this context, N. K. Garbovsky argued that adequacy refers not to fidelity to the original, but to the degree to which the translation meets the expectations of communication participants (289), including the source text author and the target audience. This view is opposed by V. S. Vinogradov, who insists that the goal of translation is "not to adapt the text to someone's perception, but to preserve its content, function, stylistic and communicative values" (20).

5.2. Translation Transformations and Techniques for Criminal Law Terms

Komissarov defines terms as “words and expressions denoting specific objects and concepts used by specialists in a given field” (110). However, most terms are polysemous and may function in general language as well. Croatian–Russian bilingual dictionaries do not always offer optimal translations of legal terms, so the translator must identify the terminological meaning through contextual analysis.

For example: *poziv* can mean:

1. *приглашение, зов*
2. *воззвание, обращение, призыв*
3. *зов, призыв, клич (книж.), окрик, оклик*
4. *вызов*
5. *(воен.) призыв*
6. *повестка*
7. *(перен.) призвание, профессия, специальность* (Dautovich, 139–140).

Although some meanings are marked stylistically, legal usage is not consistently labelled, which complicates the translator’s task. For instance, *повестка* is not marked as a legal term, although it is listed in The Great Legal Encyclopedia (Barikhin, 821). Only contextual collocations such as *sudski poziv* (*судебная повестка*) clarify the correct interpretation. This illustrates the need for a specialised bilingual criminal law glossary.

Translation proceeds in stages, starting with a literal rendering, followed by interpretation in the target legal and cultural context. Consider the term *blagodat nesvjedočenja*. *Blagodat* may mean:

благодать, блаженство, счастье, благополучие, благо, выгода, польза,

(рел.) благодать, благословение, милость, дар, благодеяние (Dautovich, 47).

These meanings carry emotional connotations not suitable for legal language. Only *выгода* or *польза* are stylistically neutral. *Nesvjedočenje* could be translated through lexical addition and grammatical transformation as *не давать свидетельские показания*. A literal phrase such as *выгода/польза не давать свидетельские показания* is awkward. Instead, Russian legal terminology offers the more appropriate functional equivalent: *свидетельский иммунитет* (witness immunity).

Depending on the text type, different translation strategies are used (Alekseeva in Skvortsov, 12). When translating Croatian criminal law documents into Russian, the following transformational techniques are often applied:

žalba nije dopuštena – *обжалованию не подлежит*

→ grammatical transformation, replacing a passive with an impersonal construction,

kazneno djelo – *преступление* → omission technique,

fizički, psihički zlostavljati – *применять физическое, психологическое насилие*

→ lexical-grammatical transformation, explication, converting verbs into verb phrases,

odrediti istražni zatvor – определить меру пресечения в виде заключения под стражу

→ generalisation and metonymy: *istražni zatvor* (следственный изолятор) is generalised into the broader term *заключение под стражу*.

Let's consider the concept *местопребывание подозреваемого в совершении преступления*. The Croatian legal terms *pritvor*, *istražni zatvor* and *zatvor* should not be translated as *тюрьма* or *следственная тюрьма*. Analysis shows:

pritvor and *istražni zatvor* refer to actions (*арест, задержание, предварительное заключение*), not physical locations, and

Russian uses terms indicating locations (*тюрьма, следственный изолятор* – СИЗО, *изолятор временного содержания* – ИВС).

By comparing the grounds for detaining a suspect and the duration of their detention in the legal practices of Russia and Croatia, we concluded that the term *pritvor* corresponds to the Russian term *содержание в ИВС*, whereas the term *istražni zatvor* is equivalent to *заключение в СИЗО, содержание в СИЗО*. Considering the difference in the semantic content of these terms (action versus place), to bridge the semantic gap, we resorted to lexical transformation and replaced *заключение в СИЗО* with the metonymic expression *мера пресечения в виде заключения под стражу* using the techniques of generalisation and addition.

5.3. Formatting References to Legal Acts

When translating legal documents from Croatian into Russian and vice versa, the translator must pay attention to the extralinguistic features of the normative structure of legal texts. Written documents in criminal law abound with references to legal provisions according to which judicial actions are taken, and the order of parts of a normative act in references differs between Croatian and Russian legal practice. If Croatian criminal law texts refer first to the article of the law (*članak*), then to the paragraph (*stavak*) and finally to the point (*točka*), Russian regulations, on the contrary, prescribe referencing legal provisions from the smallest part to the largest (пункт – часть – статья):

Example:

na temelju čl. 123 st. 1 t. 2 Zakona o kaznenom postupku

— на основании положений п. 2 ч. 1 ст. 123 Уголовно-процессуального кодекса

6. Conclusion

This study demonstrates that translating criminal law documents from Croatian into Russian is a multifaceted task, particularly given the lack of bilingual legal lexicographical resources. The only available Croatian–Russian legal dictionary is inconsistent in marking terminology, placing a heavy burden

on the translator. Successful translation requires knowledge in three disciplines: linguistics, law and translation theory.

Keywords: criminal law, jurilinguistics, legal discourse, official-business style, terms, theory of equivalence, translation techniques, transformation